

УДК 94(470.53)''18/19'':347.962

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЧИНОВНИК СУДЕБНОГО ВЕДОМСТВА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

В. С. Волегов

Анализируется социальный портрет чиновника судебного ведомства Пермской губернии конца XIX – начала XX в.: его образ жизни, карьера, образование.

Ключевые слова: провинциальный чиновник, Пермский окружной суд, судебная реформа 1864 г., социальный портрет.

Процесс укрепления государственной власти, происходящий в настоящее время, заставляет обратить особое внимание на исторический опыт работы управленческого аппарата Российской империи, прежде всего на кадровый состав чиновников прежних времен.

Целью работы является изучение дореволюционного бюрократического аппарата на примере служащих Пермского окружного суда. Помимо реконструкции их карьерного пути, к задачам работы относится изучение их социального происхождения, образования, семейного и материального положения. Данные задачи реализуются не только на основании научной литературы, например монографии крупного отечественного историка Петра Андреевича Зайончковского «Правительственный аппарат России в XIX в.», но и архивных дел, хранящихся в Государственном архиве Пермского края, где деятельности окружного суда с 1840 по 1919 г. посвящен фонд 1. Здесь можно обнаружить формулярные списки чиновников, служебные записки, изредка телеграммы. Конечно, в скупых на эмоции служебных бумагах нет ни единого намека на их нравственные качества, но и они дают немало информации о провинциальной бюрократической среде.

Полученные данные типизировались в рамках «уликовой парадигмы» К. Гинзбурга, разработанной для исторического обобщения отрывочных или индивидуализированных (личностных) данных¹. В произведениях отечественных писателей XIX в. представлена целая «галерея чиновников» того времени. Это и гоголевский Акакий Акакиевич, и Мармеладов Достоевского, и многочисленные чиновники Чехова, и многие другие персонажи. Благодаря этим литературным портретам можно составить собирательный образ чиновника в дореволюционной России. Прежде всего необходимо отметить, что человек этот среди современников уважением не пользовался (об этом говорят и прозвища: «приказный», «чернильная душа», «крапивное семя» и др.), нельзя отнести его и к людям состоятельным. Таковы чиновники окружного суда из романа Л. Толстого «Воскресение», но здесь они еще более беспринципны. Возникает вопрос: «Насколько эти “виртуальные” судьи похожи на своих реальных коллег и даже современников?»

Прежде всего для характеристики необходимо понять, что представлял собой Пермский окружной суд, как и когда он появился. В Перми окружной суд появился в 1874 г. Его торжественное открытие состоялось 1 сентября под руководством первого председателя – статского советника Александра Васильевича Лебедева (всего до 1917 г. в Пермском окружном суде сменилось три председателя). Здание, в котором находился Пермский окружной суд, сохранилось до наших дней: оно находится на углу улиц Луначарского (ранее – Вознесенская) и Куйбышева (Красноуфимская): сейчас в нем находится корпус Пермской государственной медицинской академии им. Вагнера. Здание было построено в начале XIX в. архитектором Свизевым, а к 1874 г. оно подверглось капитальной перестройке, особенно внутри, суд начал свою работу в заново отделанном и меблированном помещении. Что касается современного облика здания, то оно выглядит практически так же, как и после очередной перестройки в 1908 г. Следует отметить, что в открытии новых судов Александр Васильевич имел определенный опыт. С начала судебной реформы он в качестве члена суда или товарища председателя стоял у истоков Тверского, Кишиневского и Саратовского окружных судов, а в 1873 г. был чиновником за обер-прокурорским столом в Правительствующем сенате². Председателем Пермского окружного суда он стал только после специального разрешения Правительствующего сената. Окружной суд учреждался на несколько уездов (Пермский, Красноуфимский, Кунгурский, Осинский, Оханский, Соликамский и Чердынский) и состоял не только из председателя, но и членов суда. На момент открытия их было пятеро, но в годы Первой мировой войны

и революции их число сократилось: в 1919 г., по архивным материалам, в суде числился лишь один член. Это и неудивительно, если учесть, что во всей канцелярии, в лучшие годы насчитывавшей до пятидесяти служащих, осталось всего четыре канцеляриста. Членами суда являлись и судебные следователи, состоявшие в назначенных для каждого из них участках (вышеперечисленных уездах)³. Кем же были эти люди, эти всеисильные блюстители закона, от чьего произвола зависела судьба стольких людей? Быть может, это были дворяне? Или все они входили в особую касту потомственных чиновников? На самом деле в основной своей массе они были купеческими или мещанским детьми. Дворян, в особенности потомственных, среди них было крайне мало, причем все они в Пермской губернии оказались по воле судьбы, точнее говоря, по приказу начальства. Местных же дворян на службе по судебному ведомству не наблюдалось, что и неудивительно, если учесть, что в Пермской губернии их было не так уж и много (в 1896 г. в Пермской губернии при населении 2968472 человек насчитывалось всего 5875 дворян⁴). Встречались и выходцы «из сельских обывателей», а проще говоря – крестьян.

Что заставило всех этих, столь разных людей поступить на столь не престижную в то время статскую службу? Этого мы не можем сказать вполне определенно, быть может, они отстаивали свои сословные интересы, о чем заявляет другой крупный писатель-реалист А. М. Горький устами Артамонова: «Чиновники у нас должны быть свои и все люди нужные нам – свои, из купцов, чтоб они наше дело понимали, – вот!»⁵, или же они поступали на службу, руководствуясь своими идеалами, и считали ее служением отечеству. А может они пытались получить потомственное дворянство, что, несмотря на всевозможные препоны, все еще было возможным.

Каким же был трудовой путь всех этих будущих титулярных, надворных коллежских и статских (а если повезет то и действительных статских) советников? Обычно их путь к высоким чинам и наградам начинался на юридическом факультете одного из немногочисленных университетов Российской империи. Но были и исключения: будущий председатель Пермского окружного суда А. В. Лебедев в 1846 г. окончил не юридический, а философский факультет Казанского университета⁶, а еще было немного выпускников духовных училищ, и был замечен выпускник Лицея князя Безбородко. Не надо забывать, что университетское образование в те годы было платным, но оно давало и ряд преимуществ, таких как производство сразу в чин XII класса, а говоря проще, переход сразу через два класса (один из которых, правда, уже и так никому не давался).

По-видимому, большинство из них уже тогда определилось с будущим местом работы, хотя, как и везде, здесь были свои исключения. Так, потомственный дворянин и помещик Корчевского уезда Тверской губернии, а по совместительству член Пермского окружного Суда Феликс Феликсович Пальчевский после окончания «Дерптского Императорского Университета со степенью юридических наук кандидата» вступил на службу в Канцелярию Гродненского дворянского депутатского собрания⁷. А уже через два года (в марте 1843 г.) уволен по прошению, и с 15 марта 1843 по 2 ноября 1847 г. «находился домашним наставником»⁸ (что для потомственного дворянина несколько не характерно). Сменив несколько мест, в 1865 г. он, наконец, был «причислен к департаменту Министерства Юстиции»⁹. Но это скорее исключение, чем правило. Обычно они сразу поступали на службу в суд, где и начинали свой трудовой путь с должности кандидата на судебные должности. А путь этот, нельзя не отметить, был трудным.

Начнем с того, что должность эту нельзя назвать особо спокойной: как правило, эти люди не сидели на одном месте, а находились в постоянных командировках, постоянно сменявших друг друга. В основном они направлялись для помощи участковым судебным следователям (иногда даже с правом «самостоятельного производства следствий»), а также для исправления их должности на время их многочисленных отпусков или болезней (изредка смертей¹⁰). Иногда эти болезни носили чрезвычайно интересный характер: так у Архангельского губернского прокурора, например, в месяц из-за таковых «болезней» выпадало в среднем по 7–10 дней подряд¹¹, все это время его должность «исправлял» его товарищ (т. е. заместитель) коллежский секретарь Жуковский.

Кроме того, эти бесконечные командировки требовали бесконечных переездов с места на место: так, упомянутый уже Жуковский за период с 1889 по 1893 г. был вынужден сменить не только несколько должностей, но и несколько городов и даже губерний¹² (От Екатеринбурга до Казани).

Как писал Гоголь, «есть в Петербурге сильный враг всех, получающих четыреста рублей в год жалования или около того. Враг этот ни кто иной, как наш северный мороз»¹³. Конечно Пермская губерния – не столица Российской империи – Санкт-Петербург, но и здешним чиновникам

приходилось выдавать из казны жалование, возможно, и здесь были свои Акакии Акакиевичи, которых мучил финансовый вопрос. Как и в наши дни, за свое служение государству чиновники получали соответствующее содержание, оно складывалось из нескольких частей: помимо жалования, его составляли столовые, канцелярские и квартирные выплаты. Иногда, как, например, в формуляре канцеляриста Пермского окружного суда Н. В. Корнилова, вместо конкретной суммы можно встретить весьма расплывчатую фразу: «Жалования за занятия ... получал по трудам и заслугам»¹⁴. Хотя чаще всего о жаловании служащих Суда мы можем судить более определенно: этот пункт в их формулярных списках являлся обязательным, равно как и информация об обладании недвижимым имуществом (в том числе и имуществом супруги). Как видно из этих материалов, провинциальные чиновники рубежа XIX–XX вв. получали несколько выше, чем Акакий Акакиевич: даже скромный кандидат на судебные должности получал 600 руб. содержания в год¹⁵, а со временем, при благоприятном стечении обстоятельств, это содержание могло возрасти до 5000 руб.¹⁶ (как например, в случае с председателем окружного суда Лебедевым). Хотя, как указывает П. А. Зайончковский, оклад чиновников судебного ведомства был значительно ниже, чем в других министерствах¹⁷. Не все были довольны таким положением дел. Так, исправляющий должность судебного пристава Пермского окружного суда по городу Чердыни Дмитрий Иванович Захаров, получавший из казны 800 руб. жалования в год, неоднократно отправлял слезные прошения о назначении его нотариусом г. Чердыни в связи со слишком низкой (по его мнению) оплатой труда¹⁸. Для того чтобы лучше представить себе, велика ли эта сумма, можно посмотреть, что в те годы можно было купить на 1 рубль. В августе 1914 г. одного рубля хватало на покупку 20 фунтов белого хлеба или 5 фунтов говядины¹⁹.

Возникает резонный вопрос: на что же уходили эти деньги? Наверное, на семью, которую редко когда можно было назвать небольшой. Обычно эта семья состояла из жены и нескольких детей (самое большое число детей, обнаруженное при исследовании, – 6). Женившись однажды, чиновники жили так до конца, однако изредка они вступали в брак повторно: обычно это происходило после смерти законной супруги, но встречались и разводы (как в случае Захарова²⁰) и даже внебрачные дети²¹. Образование детей становилось одной из задач родителей, и статские служащие старались дать им соответствующее образование, желательно высшее. Так поступил, например, бывший крестьянин Маковский: из 4 его сыновей трое получали высшее образование, а четвертый на тот момент еще обучался в Пермской мужской гимназии²². А иногда и дочери продолжали свое обучение на соответствующих курсах²³. Следует отметить, что сыновья, получившие высшее образование, редко продолжали дело отцов. Разумеется, встречались и потомственные чиновники, но династиями это можно было назвать лишь с натяжкой. Пример отца и сына Корниловых – одна из немногих таких «династий», найденных при исследовании.

О сословном происхождении Василия Николаевича Корнилова (отца) можно сказать просто: «из духовного звания сын» (говоря более конкретно – сын причетника), образование он получил соответствующее – окончил Романовское духовное училище. По окончании училища поступил писцом в Пермскую Духовную Консисторию (17.11.1866²⁴) и даже одно время исправлял должность столоначальника той же консистории на протяжении почти десяти месяцев (с 24.01 по 30.11.1869 г.). Нам неизвестно, почему он решил порвать с Пермской духовной консисторией, но уже 18.12.1869 г. он «прошел испытания, к производству его в первый классный чин, в Пермском духовном училище»²⁵. Это последняя запись в его формулярном списке за 1869 г. и следующая запись датирована уже 25 мая 1870 г. – это запись о том, что он, Корнилов Василий Николаевич, «согласно определению Пермской Палаты Уголовного и Гражданского суда зачислен в число канцелярских служителей Палаты»²⁶. Уже в ноябре того же года на него была возложена обязанность эзекутора Палаты, а на следующий год ему поручили должность «приходорасходника» Палаты. В 1874 г. «согласно прошению» председателя Пермского окружного суда, Корнилов был переведен в этот суд, где и служил сначала помощником секретаря, а потом и самим секретарем, при этом он был еще и заведующим кассой суда. Так он и служил в Пермском окружном суде, заведовал кассой, продвигался по табели о рангах, пока в 1906 г. не умер. По этому поводу в его формуляре появилась следующая надпись: «Приказом Председателя Пермского окружного суда от 15 июня 1906 г. за смертью исключен из списков чиновников канцелярии с 13 июня 1906 г.»²⁷. Его жене была назначена пенсия в размере 107 руб. 25 коп. в год, а 13 сентября 1910 г. предъявлен иск в сумме 5145 руб. 40 коп., «растраченных ее покойным мужем». Через шесть дней был наложен арест на

недвижимое имущество вдовы, Юлии Петровны, в размере 1268 руб. А в 1914 г. дело на ее мужа было закрыто, в связи с тем что дело было заведено уже после смерти Василия Николаевича²⁸.

Как видно из вышесказанного, Василий Николаевич успел жениться на девице Юлии Петровне и обзавестись порядочным семейством: пятеро детей (если не считать сына Владимира, умершего в младенчестве) по формулярному списку отца, двое старших сыновей, Николай и Анатолий окончили курс наук в Пермском реальном училище, а затем получали высшее образование²⁹. Но в служебном формуляре Корнилова Николая Васильевича мы читаем следующее: «Обучался в Пермском уездном училище, где и окончил полный курс учения, о чем имеет свидетельство от 5.12.1899 г.»³⁰.

Несовпадение данных об образовании – не единственная странность, которую можно обнаружить в формуляре Корнилова-старшего: в росписи его годового содержания имеются 300 руб. квартирных, но при этом у его жены был уже упомянутый благоприобретенный дом в Перми³¹, оцененный при аресте в 1268 руб. Можно предположить, что это один из тех способов, которые придумывали чиновники для увеличения своего дохода, а может Василий Николаевич просто забыл.

В отличие от отца, Николай Корнилов, судя по всему, не обладал любовью к работе: за время своей и так короткой службы он на три года уходил в отставку, а однажды, в 1903 г., взяв отпуск на 2 месяца, «из отпуска не возвратился и не предоставил причины отсрочки». А затем, «во время войны с Японией, был мобилизован как запасной нижний чин и призван на действительную службу по месту временного нахождения в Нижнем Новгороде». В 1906 г. коллежский секретарь Корнилов Николай Васильевич был уволен согласно прошению. О его дальнейшей судьбе нам ничего не известно.

При исследовании чиновников, одним из первых возникает вопрос о том, как часто и за что чиновники находились под следствием. Но, как выяснилось, нахождение чиновников под следствием было довольно редким явлением: из всех уже упомянутых служащих, кроме Корнилова, под следствием был только Захаров, приговоренный к денежному штрафу (3 руб. серебром) за оскорбление волостного старшины.

К счастью, вся жизнь чиновников не сводится к одной только службе: они имели свои мечты и к чему-то стремились, болели, участвовали в общественной жизни.

Работа чиновника конца XIX – начала XX в. отрицательно влияла на их здоровье: служба отечеству и государю, чиновники зарабатывали не только чины и награды, но и тяжелые болезни. Можно судить и о тех болезнях, которым были подвержены некоторые чиновники.

Например, в формулярном списке действительного статского советника Жуковского можно прочесть о том, что вышеназванный чиновник страдал «хроническими процессами спинного мозга, сопровождавшимися поражением мочевого пузыря, общим истощением и неврастенией», от чего он и умер в августе 1916 г.³² Другой чиновник судебного ведомства Пермской губернии Захаров жаловался председателю Пермского окружного суда на то, что за 35-летнюю службу он нажил только геморрой³³. Возможно, список этих профессиональных болезней был более обширен, но это наиболее показательные примеры.

Иногда чиновников можно было заметить и в благотворительных организациях. В связи с этим необходимо упомянуть коллежского советника Пальчевского. Еще в 1854 г. он «высочайше утвержден был в звание члена общества посещения бедных»³⁴, а в 1868 г., согласно постановлению Корчесвского Земского собрания, большинством голосов избран участковым мировым судьей, но по неизвестным причинам отказался³⁵. Александр Васильевич Лебедев в 1855 г., будучи костромским губернским прокурором, «по высочайшему докладу г-на Президента общества попечения по тюрьмам, утвержден директором Костромского тюремного комитета», за что имел благодарность от самого Императора³⁶.

В 1917 г. произошло событие, во многом изменившее всю историю страны, перевернувшее жизни людей. Но изменения, связанные с новым временем, начались еще раньше – в Российской империи появились женщины-служащие. Следует отметить, что чинов они не имели, но присягу приносили наравне с прочими служащими.

В Пермском окружном суде первая представительница «слабого пола» появилась еще в 1910 г. Это была Анна Игнатьевна Серебренникова, изначально она работала машинисткой Пермского окружного суда. Работу же она окончила служащей нотариального архива в Пермском

окружном народном суде в связи с упразднением одного в марте 1918 г. (документ подписан комиссаром Пермского окружного народного суда)³⁷. К сожалению, этот документ об увольнении – единственный в деле Анны Игнатьевны.

Позже (в 1916 г.) компанию Серебренниковой составила и Мария Павловна Малькова. Крестьянского происхождения, родилась в мае 1896 г. в селе Троицком Пермского уезда, окончила четвертый класс Пермской Александровской женской гимназии, замужем была за крестьянином Вятской губернии, имела сына Александра (р. 1915)³⁸. Мы не знаем, что заставило ее через год после рождения сына поступить в Пермский окружной суд простым канцелярским служителем. Возможно, то, что ее мужа призвали на фронт в Первую мировую войну, но это можно только предполагать. В июле 1917 г. она поступила на службу в Омский окружной суд³⁹. Об этом факте из ее жизни имеется упоминание в странном письме, которое она послала председателю Пермского окружного суда:

«8/V. 1917

Уважаемый Николай Дмитриевич!

Ввиду сложившихся обстоятельств, я вынуждена остаться в Омске.

Знаю, что поступаю очень и очень нехорошо, но при всем желании не могу поступить иначе; прошу исключить меня из списков служащих.

Деньги, взятые мной в кассе, через месяц пришлю, не знаю точно, сколько с меня нужно. До 29 апреля не получено жалование и военная прибавка. Если можно то пусть Игнатий Ефремович точно высчитает, сколько я должна в кассу, за исключением неполученного жалования и двухмесячного взноса. Сообщите по адресу:

Г. Омск, Станичная № 20, Омский комитет всероссийского союза городов.

Поступила на службу в этот комитет.

Оклад 100 рублей, вечерние занятия не обязательные, за отдельную плату 30 рублей.

Еще раз извиняюсь, что не держу свое слово, но право не могу приехать.

Уважающая вас М. Малькова»⁴⁰.

Это письмо несколько шокирует, если до него прочитать хотя бы несколько писем начальнику из личных дел чиновников. Все они начинаются словами «Честь имею донести Вашему превосходительству» и продолжаются в том же духе, но никак не выражают эмоции и чувства пишущего. Так или иначе, новое время, по-видимому, сделало свое дело.

Другая женщина, пришедшая служить в суд уже в 1917 г., – дочь чиновника Раиса Васильевна Солодухина. Года рождения она была 1892, православная, замужем за военным техником, имела дочь Нину. Она окончила полный курс наук в Оханской женской гимназии, на службу поступила в 1917 г. секретарем Пермского окружного суда по Осинскому уезду⁴¹. О ее дальнейшей судьбе мы узнаем из рапорта Двужильного: «23.04.1919. По прибытии в г. Осу Солодухина прошением своим от 17.04.1919 г. сообщила, что по слабости здоровья она не может вступить в исправление должности и просила от таковой должности ее уволить»⁴².

Как уже было сказано выше, крупные социально-политические потрясения начала века сильно отразились на количественных характеристиках Пермского окружного суда. Во время гражданской войны на службе в Пермском окружном суде находились только двое из представленных здесь чиновников: Двужильный и Захаров. Как видно, их отношения с властью большевиков явно не сложились.

О деятельности товарища председателя окружного суда Бориса Георгиевича Двужильного нам известно не так уж и много. В 1917 г. к его служебному формуляру прилагается присяга Временному правительству⁴³ и записки, гласящие о том, что «постановлением общего собрания отделений Пермского окружного суда, состоявшемся 27.03.1919 г. возложено производство следствия по делу о преступлениях, совершенных большевиками по Осинскому уезду»⁴⁴. Для нас следы Двужильного теряются в районе города Читы, откуда он написал письмо к г. Председателю Пермского окружного суда. Из этого письма мы узнаем о том, что надворный советник зачислен солдатом в егерский батальон при штабе Читинского военного округа⁴⁵.

Что же касается Захарова, то о его судьбе известно еще меньше: неизвестно, чем мог помешать новой власти больной чердынский судебный пристав, мечтавший при Временном правительстве стать судьей, но в ноябре 1919 г. его расстреляли в г. Чердыни за «антисоветскую пропаган-

ду»⁴⁶. Возможно, это связано с предупреждением Пермского окружного ЧК, изданным летом 1918 г. В нем указывается, что «все, кто будет вести агитацию против советской власти и распространять ложные, нелепые слухи, будут преследоваться ЧК путем самых суровых мер и, в случае поимки на месте преступления, будут беспощадно расстреливаться»⁴⁷.

Подводя итоги, можно более или менее четко представить себе, что представляли собой служащие судебного ведомства Пермской губернии на рубеже XIX–XX вв. Это были представители «разных чинов и званий», преимущественно выходцы из среды купечества и мещане. Дворян (в особенности потомственных) среди них было ничтожно мало.

Провинциального чиновника, как удалось установить, едва ли можно сравнивать с его литературным образом. Исследование показало, что это была образованная публика, а некоторые из них даже были кандидатами наук. Стереотип «чиновник – взяточник» также не находит документального подтверждения, хотя к состоятельным людям пермские судебские явно не относились. Проживали они не в каменных палатах, а либо на съёмных квартирах, либо в домах «на каменном фундаменте с флигелем и надворными пристройками»⁴⁸, получая в среднем по 2000 руб. в год (включая квартирные и канцелярские).

Своим детям чиновники пермской губернии старались дать хорошее, по возможности высшее образование, и редко когда удается найти примеры, когда дети чиновников избирали карьеру отца.

Оказалось, что чиновники были не чужды либерального образа мысли – участвовали в деятельности земства, городских дум, Императорского Общества попечения тюрем и т.п.

В начале XX в. появляются «машинписные барышни» – низший, не классовый слой чиновничества – первые женщины-служащие. Было их немного.

Как бы то ни было, от гоголевского Акакия Акакиевича и прочих «виртуальных» судей пермского чиновника судебного ведомства отделяет огромная дистанция – социальная и историческая.

Примечания

¹ Гинзбург К. Приметы: Уликовая парадигма и ее корни // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 32–61.

² Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 1. «Пермский окружной суд Министерства юстиции / г. Пермь – до 1919 г., г. Чита в 1919–1920 гг./» Оп. 2. Д. 246. Л. 67–71.

³ Подробней принципы организации окружного суда см. по: Судебные уставы 20 ноября 1864 г. СПб., 1866. Ч. 3.

⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб.: 1890–1907. Пермская губерния.

⁵ Горький А. М. Дело Артамоновых: рассказы. М., 1980. С. 192.

⁶ ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 246. Л. 50.

⁷ Там же. Д. 334. Л. 14.

⁸ Там же. Л. 15.

⁹ Там же. Л. 19.

¹⁰ Там же. Д. 112. Л. 5.

¹¹ ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 145. Л. 7–8.

¹² Там же. Л. 9.

¹³ Гоголь Н. В. Избранное. М., 1986. С. 378.

¹⁴ ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 204. Л. 24.

¹⁵ Там же. Д. 209. Л. 21.

¹⁶ Там же. Д. 246. Л. 50.

¹⁷ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат России в XIX в. М., 1978. С. 76.

¹⁸ ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 152. Л. 145.

¹⁹ Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1988. С. 270.

²⁰ Там же. Л. 144.

²¹ Там же.

²² ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 265. Л. 62.

²³ См., например: ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 145. Л. 1.

²⁴ ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 203. Л. 66.

²⁵ Там же.

- ²⁶ ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 203. Л. 68.
²⁷ Там же. Л. 88.
²⁸ Там же. Л. 136.
²⁹ Там же. Л. 66.
³⁰ Там же. Д. 204. Л. 24.
³¹ Там же. Д. 203. Л. 66, 115.
³² Там же. Д. 145. Л. 108.
³³ Там же. Д. 156. Л. 148.
³⁴ Там же. Д. 334. Л. 17.
³⁵ Там же. Л. 29.
³⁶ Там же. Д. 246. Л. 23.
³⁷ Там же. Д. 436. Л. 1.
³⁸ Там же. Д. 271. Л. 9.
³⁹ Там же. Л. 13.
⁴⁰ Там же. Л. 14.
⁴¹ Там же. Д. 459. Л. 3.
⁴² Там же. Л. 5.
⁴³ Там же. Д. 119. Л. 10.
⁴⁴ Там же. Л. 6. В отличие от всего печатного текста последние записи в формуляре сделаны карандашом.
⁴⁵ Там же. Д. 119. Л. 18. Письмо датировано 27.11.1919.
⁴⁶ Там же. Д. 152. Л. 159.
⁴⁷ ГАПК. Ф. р-301. Оп. 1. Д. 11. Л. 83.
⁴⁸ ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 203. Л. 66.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.02.2010